

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О русском переводе Судебника
Мхитара Гоша

Не подлежит сомнению, что Судебник Мхитара Гоша представляет собою величайший памятник древнеармянского права,—памятник, воспроизводящий правовую организацию общественно-государственной жизни армянского народа не только эпохи, когда жил и работал сам Гош, но и более древнейших эпох. Исключительно велика роль правовых организаций и права в истории общественно-экономических формаций. Но право, как бесспорно существовавшая организующая сила культурной жизни армянского народа, не только научно-методически не изучено и не исследовано, но и остается преданным забвению. Государственно-правовые армянские учреждения и соответствующие институты часто упоминаются в нашей историографии, однако в подобных упоминаниях, конечно, нельзя усмотреть наличие научного армянского правоведения и научно-исследованной правовой системы. К сожалению, историческая юриспруденция у нас не в почете и не достигла должного развития. Наши историки спорят о существовании в истории армянского народа различных общественно-экономических формаций, о феодальной или рабовладельческой системе, о наличии в прошлом армянского народа эпохи Возрождения и т. д., но не сознают, что все эти проблемы органически связаны с содержанием и характером древнеармянского права, удержавшего в своих институтах отложения различных исторических формаций. В уцелевших обломках армянского обычного права можно констатировать язык истории нашей культуры. В правовых обрядах семейной жизни, в ритуалах свадебного права и в других областях обычно-правовой нормировки можно обнаружить отложения не только рабовладельческой или феодальной формации, но и следы,—даже явные следы,—первобытной родовой системы. К сожалению, у нас нет правоведения, древнеармянское право не исследовано и не систематизировано, а имеющиеся в этой области работы наших историков права (Клджян, Бастамян, Тигранян, Самвелян, Акинян и др.) никак не восполняют этого пробела. В составе Института истории Академии наук Армянской ССР нет секции по истории армянского права. Неизвестно, как же можно вести исследование истории армянского народа без надлежащего исследования исторических правовых учреждений этого народа?

При таких условиях издание перевода „Армянского Судебника Мхитара Гоша“ следует признать положительным и полезным делом¹. Однако на вполне законный вопрос о степени удовлетворительности этого перевода, его редакции, вступительной статьи и комментариев мы должны ответить отрицательно.

I

Изложение правовых положений и юридических норм производится специальным, строго сжатым, четким, выразительным, точным и определенным стилем, кото-

¹ „Армянский Судебник Мхитара Гоша“, перевод А. А. Паповяна. Редакция, вступительная статья и примечания Б. М. Арутюняна, издание Института истории Академии наук Армянской ССР, 1954.

рый зачастую выражается в кратких формулировках. И это не только вполне естественно и понятно, но и необходимо, ибо в этих правовых положениях и юридических нормах трактуются человеческое поведение, экономические и общественные отношения, признаваемые или отвергаемые санкцией закона, между тем как малейшая неточность, расплывчатость языковых выражений может вызвать недоразумения и большие осложнения. Для изложения юридических положений требуются не только точные выражения и формулировки, но и строжайшее применение знаков препинания, ибо любая неправильно поставленная запятая способна вызвать существенные изменения в характеристике трактуемых явлений.

Великолепен и чрезвычайно точен в этом отношении язык Мхитара Гоша. Помимо „законодательной роли“, блестяще им выполненной, он был и блестящим баснописцем. Известно, что басенный жанр и басенный стиль всегда были и являются в стилевом отношении наиболее сжатыми, четкими и максимально точными. Однако перевод Судебника изложен языком не только не соответствующим юридическому стилю, но и просто неправильным, разговорным, полным погрешностей, расплывчатым¹.

Переводчик, повидимому с целью разъяснения смысла соответствующих положений, текст подлинника „обогатил“ весьма обильной отсебятиной, излишними, ненужными добавлениями и пояснениями, вставленными в скобки. Например: „Моисей“ (стр. 1), „В суд“, „Христос“, „писания“ (стр. 2), „писаниях“, „законы и правила“, „так, как воздействовал“, „обыкновенно“ (стр. 3), „Верующие“, „обвинения“ (стр. 4), „ученым“, „показать“, „перечисления причин составления“, „Судебник“ (стр. 5), „непосильности в знаниях труда“, „в знаниях“ (стр. 6), „священного“ (стр. 8), „грех или раскаяние“, „моисеевых“ (стр. 9), „стремился“ (стр. 10), „лишь при этих условиях“ (стр. 11), „составить себе“, „человека“ (стр. 14) и др. Такого рода отсебятиной испещрен перевод с начала до конца. Количество таких „непрощенных“, не принадлежащих Гошу, совершенно излишних „орнаментов“ достигает приблизительно 500—600. Текст Судебника и без этих „непрощенных орнаментов“ совершенно понятен и не нуждается в подобных разъяснениях, незаконно вставленных в классическом изложении автора и производящих на читателя впечатление, будто все это принадлежит Мхитару Гошу. В результате мы имеем искажение мыслей Мхитара Гоша. Мы можем привести сотни доказательств. Мхитар Гош как мыслитель крупного масштаба и человек глубокого и всеобъемлющего правосознания, что явствует из содержания рассматриваемого памятника, серьезно и юридически точно объясняет законодательные мотивы составления Судебника. Специальная глава, посвященная объяснению мотивов, названа: «Գրուիլ, թէ զիսն էր այսն Կանոնար զրել Կաթողիկոսի կամ յիշ պատճառէ շարմեցան ի հոգի մեր յայն»². Здесь армянское слово «էր» означает „зачем“ и, находясь в начале предложения, выражает цель (но не причину), «էր» грамматически является формой родительного падежа от «ի». А приведенное в заглавии предложение «Գրուիլ էր այսն Կանոնար զրել» явственно указывает цель составления Судебника и дословно значит: „Для чего мы теперь захотели написать...“ Искжая подлинник, эту часть заглавия переводчик выразил в словах: „Почему мы ныне пожелали написать...“, иначе говоря, указанную законодателем *цель* предприятия превратил в его причину. Вторая часть рассматриваемого заглавия, как уже указывалось выше, выражена в словах подлинника: «Կամ յիշ պատճառէ շարմեցան ի հոգի մեր յայն». Это предложение дословно означает: „или из-за какой (=по какой) причины наши мысли двинулись (=направились) к этому“. Это предложение переводчик передал правильно. Но в общем, в заглавие, в котором были выражены *цель и причина* составления Судебника, благодаря явному искажению мысли законосоставителя, переводчик вставил дважды повторяемую „причину“. В дальнейшем (см. подлинник, стр. 9—14) Мхитар Гош подробно перечисляет причины, склонившие его к составлению Судебника.

¹ Переводчик, покойный А. А. Паповян, был адвокатом. Хотя de mortibus aut bene aut nihil, тем не менее необходимо заметить, что он литературной работой никогда почти не занимался, а теоретические вопросы правоведения ему были чужды.

Здесь, указав первую из этих причин, в конце абзаца законодатель заявляет: „Это и есть одна из причин“ (см. стр. 9). После этого идет само перечисление, причем перед каждым объяснением он ставит порядковые числительные «երկրորդ» („и во-вторых“), «երրորդ» („в-третьих“), «չորրորդ» („в-четвертых“) и т. д. до «երկուտասներորդ» („в-двенадцатых“). В этом чисто арифметическом перечислении совершенно не повторяется слово „причина“, и это понятно. Законодатель считал излишним каждый раз повторять слово „причина“. Переводчик же предложил иную, довольно грубую и неудачную форму перечисления этих причин: он двенадцать раз повторяет одну и ту же тривиальную фразу: „Вторая причина та, что...“, „третья причина та, что...“, „четвертая причина та, что...“ и т. д. до двенадцатого пункта, „двенадцатая причина та, что...“. Переводчик явственно исказил мышление переводимого автора. На стр. 3 переводчик написал: „ненависть же предотвратила любовь и сострадание“. В подлиннике вместо этого стоит: «և դստերն, և դիշապետներն անկրթութեն խափանեաց». Правда, армянский глагол, выражающий несколько значений, — «խափանել» — между прочим означает и „предотвратить“. Однако в данном контексте речь идет не о предотвращении любви и сострадания, а лишь об истреблении, уничтожении этих, уже существующих чувств. Следовательно, глагол здесь означает не „предотвращать“, а уничтожать. И действительно, как видно из словаря Ст. Малхасяна (т. II, стр. 253), интересующий нас глагол, между прочим, означает также „уничтожить“. Очевидно, вместо искаженного переводчиком предложения „ненависть же предотвратила любовь и сострадание“ — должно быть „ненависть уничтожила любовь и сострадание“. На стр. 51 подлинника читаем: «և արդ՝ ասացից, թէ որպէս ինի երդումն». Эту строку переводчик выразил словами: „Скажу теперь, как происходит присяга“. Это — искажение мысли автора. Он в данном случае говорит не о том, как происходит присяга, а о том, каковой должна быть она. Законодатель говорит не о фактическом положении, а о должностовании. Строка должна была быть переведенной в предложении: „Итак, скажу (=объясню), какою должна быть присяга?“. В ст. 57 церковного права подлинник, между прочим, устанавливает: «և ոնն հանցանացն եօթն տմ ապաշխարութիւն կարիցի». Совершенно очевидно, что речь идет здесь о преступлении. Это место, изображающее санкцию закона, переводчик ошибочно выразил так: „муж... должен нести за подобное поступление эпитимию в течение семи лет“. Переводчик (см. стр. 57), не учел, что слово „поступление“ в русском языке вовсе и не значит „преступление“, что это термин бухгалтерии (= „поступление доходов“), финансового ведомства (например, поступление налогов), но никак не криминалистики. Точно и солидно выраженная санкция Судебника: „да подвергнется за такое преступление эпитимии сроком за семь лет“ — в переводе приняла анекдотически-уродливую форму: „должен нести за такое поступление эпитимию...“. В ст. 118 Церк. права подлинник трактует: «Արդ՝ յայտ է, զի անասնոց ոչ իցէ, և թողացուցանէ ի զարհուրումն տէրանց». Этот фрагмент переводчик изобразил так: „Известно, что бес не властвует над животными, но бог допускает бешенство последних для ужасания их хозяев“. Перевод в значительной части представляет собою неудачную отсебятину: в приведенном отрывке оригинала нет слов „бес“, „бог“, „бешенство“, „последних“. Все эти слова, проникшие в текст, являются продуктом фантазии. В подлиннике просто сказано: „Итак, известно, что этого с животными не бывает, а если случается (=если причиняется им это), то для устрашения их хозяев“. Но наиболее „замечательным“ в этом отрывке является слово „ужасание“ — лексическая единица, давно подвергшаяся атрофии и вышедшая из словарей. Но и при допущении права гражданства для этого вымершего слова, оно, тем не менее, не выражает идеи подлинника, ибо „ужасание“ — действие среднего залога и, как таковое, не может выразить функцию действительного залога (=перехода действия на предмет), между тем как для подлинника необходим глагол, показывающий переход действия (по действительному залогу), и соответствующее отглагольное существительное. Таковым должно быть признано „устрашение“, которое и является эквивалентным подлиннику.

Ошибок и явных искажений подлинника настолько много в переводе, что для исчерпывающего их обзора можно было бы написать целый объемистый том. Уже было отмечено, что для изложения правовых положений и юридических норм требуется специфически-точный, сжатый, литый в кратких и понятных формулах стиль языка и что расплывчатый, разговорный язык, который применен для перевода Судебника Гоша, совершенно негоден. Для иллюстрации этого положения приведем примеры: „Когда возникает тяжба какая между людьми, (последние) не ждут, пока явятся в суд или пока судья разрешит им присягнуть; они еще на пути в суд клянутся, не переставая и неистово“ (Введение, гл. VIII, стр. 18). Эта грамматически нескладная, логически нескрепленная и стилистически вялая и негодная фраза замечательна своим „хвостом“, который тяготит над мыслью, как несносный довесок. Слова „не переставая и неистово“, вместо того, чтобы быть в хвосте, должны были войти во внутренний состав предложения в качестве обстоятельственного подчинения. „Установлено соответствующее каноническое правило. Следует по человеколюбию предоставить согласной воле обеих сторон, равно как церковным судьям“ (разд. церк. права, ст. 76). Подобная „жемчужина“ сама говорит за себя и не нуждается в характеристике. „Работать на князя и господина должно один день из семи дней в неделю, заставить же попавшегося в зависимость работать больше этого — великое беззаконие“ (разд. светских законов, ст. 1). Во всех этих примерах юридическая мысль почти полностью поглощена расплывчатостью речи, грамматически неправильным расположением частей предложений и логической пестротой и необтесанностью последних. Известно, что Мхитар Гош в тексте своего Судебника постоянно цитирует нравственные и правовые положения из библии. Переводчик эти цитаты перевел без проверки. Например, Бастамян в I гл. Введения сделал ссылку на кн. Исх., XXI, 16. Однако ссылка сделана неправильно, ибо обсуждаемое в тексте правовое положение — „кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти“ — изложено не в ст. 16 гл. XXI кн. Исх., а в ст. 17 той же главы. Эта ошибка механически вошла и в перевод. Есть и другие ошибки в цитировании библии, но на них останавливаться мы не будем.

II

Изданию Судебника предпослана вступительная статья Б. М. Арутюняна „Армянский Судебник Мхитара Гоша“, а приложением служат комментарии, разночтения, библиография и литература. Эти документы, изложенные на стр. 1—XXXVIII и 227—259, составляющие научный аппарат, сопровождающий издание Судебника, при ближайшем рассмотрении и критической оценке, оказываются неудовлетворительными с научной точки зрения и несоответствующими тем задачам исследования и трактовки, которым они посвящены.

В перечне литературы приводится 71 наименование иностранных и литературных работ, посвященных Судебнику Мхитара Гоша. Довольно значительная часть этих работ в основном не касается исследования правополитической, исторической и теоретической трактовки Судебника, а лишь имеет косвенное отношение и, следовательно, существенного значения, с точки зрения научного освещения вопроса, не представляет. Так, например, какое научно-исследовательское значение для характеристики данного памятника могли бы иметь: а) Папазян, История армянской литературы, б) Оганесов, История медицины в Армении, Оганесян, История медицины Армении, ч. II, в) Овнанян Г., Исследование народных говоров наших предков, г) Чалоян, Об истории армянской философии эпохи Ренессанса, д) Чалоян, Основные вехи развития философской мысли в Армении и т. д.

Приложенные к изданию „комментарии и разночтения“ могут быть разбиты на три группы: а) комментарии и объяснения в подлинном смысле этих слов; б) разночтения, в которых даны текстуальные параллелизмы по разным спискам и в) простые пояснения, причем количественно эти группы определяются так: комментариев и объяснений 44, разночтений 61 и простых пояснений 62, а всего трактуемый

аппарат выражен в 167 рубриках. Если и можно „разночтения“ и „пояснения“ по их содержанию признать более или менее удовлетворительными, то этого отнюдь нельзя сказать о „комментариях“. Недоумение вызывает, прежде всего, само количество этих комментариев. В содержании Судебника мы имеем Введение, состоящее из девяти пространных объяснительных глав, законы церковные, в состав коих входят 124 пространных, заключающих очень много процессуальных и материально-правовых нормативных положений, статей, и светские законы, изложенные в 130 статьях. Учитывая, что каждая из этих статей и законоположений нуждается в подробном историческом, сравнительно-юридическом и теоретическом освещении и трактовке, можно утверждать, что приведенные комментарии слишком незначительны и скудны, если воздержаться от применения к данному случаю саркастического выражения Шекспира о том, что „этакая речь годится скорее для надписи на кольцо“. Значительная часть приложенных к изданию комментариев имеет справочный характер и потому не вызывает сомнений в правильности. Однако весьма сомнительны и вызывают серьезное возражение те из них, которые претендуют на характеристику отдельных элементов Судебника Гоша: а) В ст. 16 комментариев (стр. 230) читаем „Это правило взято Гошем из обычного права (ср. ст. 125 II ч. Судебника)“. Далее, правило, приведенное Гошем: „и если по этому поводу (т. е. при исполнении монастырских служб) поступает жалоба, то пусть жалобщик исполняет требуемую им работу“ — комментатор связывает со статьей 125 светских законов, трактующей положение о порче наемниками орудий труда. Утверждение комментатора не убедительно и ничем не обосновано. Между сопоставляемыми статьями нет никакой идейной, юридической связи. И потом не понятно, что хочет сказать автор, утверждая: „Это правило взято Гошем из обычного права“? Выражение „взято из обычного права“ может быть понято только в том смысле, что это „обычное право“ где-то находилось или оно в каком-либо кодексе, в каких-либо постановлениях, было выражено, изложено или как-нибудь оформлено, и Мхитар Гош воспользовался им. Где же находилось это „обычное право“, которое оказалось использованным нашим законодателем? Повидимому, комментатор недостаточно ясно представляет себе сущность, значение и область функционирования обычного права. Последнее, конечно, не находится ни в каких-либо ящиках, сундуках или иных местохранилищах, откуда Гош мог бы черпать те или другие положения. Обычное право действует в жизни и практике народа, в том числе, конечно, и в жизни самого законодателя. И конкретное данное его положение он просто выразил в своем Судебнике, а не откуда-то взял. Поэтому выражение „это правило взято Гошем из обычного права“ неуместно и по содержанию, и по форме. В 37 ст. комментариев (стр. 233) читаем: „Приравнение немых к скоту (в брачном праве) Гош мог, помимо соображений общего характера, оставшихся в статье неразъясненными, усвоить и из этимологии армянского названия скота „анасун“ *անասուն*, означающего в буквальном переводе „бессловесный“. Эта интерпретация относится к ст. 89 церковн. законов, в последней части которой сказано: „Немой же мужчина или немая женщина приравниваются к скоту. Сочетаться браком они не должны“. Одно из основных положений брачного права, отражающего влияние христианства, заключалось в констатации взаимного согласия брачующихся на сочетание. В случае отсутствия подобного согласия, являющегося необходимым реквизитом бракосочетания, самый брак должен был быть признан недействительным. Очевидно, акт взаимного согласия объективно возможен только при наличии действительной способности к речи, способности человека к выражению своей воли и согласия. Отсюда вывод, что немые, как лишенные возможности выражения своей воли посредством речи, не могут быть признаны субъектами бракосочетания. Отсюда же заключение о том, что немые, лишенные способности речи, подобны скоту, лишенному словесности. Эти соображения и служили основой для приравнения немых к скоту, что и было допущено Гошем. Утверждение комментатора, будто бы законодатель Мхитар Гош исходил из этимологии „анасун“ („бессловесный“), беспочвенно. Комментатор упустил из виду, что указанная нами форма брака свойственна браку, нормированному законами Хаммураби в ст. 128 (см.

И. М. Волков, Законы вавилонского царя Хаммураби, М., 1914). Это положение было присуще браку *sine manu* по Римскому праву. Оно же являлось действенным и по древнерусскому обычному праву, ибо „в русском обычном праве уже для языческой эпохи можно указать на *требование согласия брачующихся* при браке через *приведение*“ (см. профессор М. Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории Русского права, стр. 421). В ст. 58 комментариев (стр. 237) дана интерпретация брачного института „*смотрин*“ (= *ересацтесн* *Երեսացեսն*), установленного в ст. 121 церковн. законов Судебника. Собственно говоря, здесь комментатор никакой интерпретации и не дал. Вместо этого, он ограничился лишь поверхностным описанием исполнения данного обычно-правового обряда. Подобное описание, без исторической трактовки обряда, ничего не дает. Как нормированный Гошем „*ересацтесн*“ (= „*смотрины*“), так и многие свадебно-брачные, обычно-правовые обряды ведут свое начало с древнейших эпох и являются отложениями первобытного права, действовавшего много тысячелетий тому назад и описанного в работах Моргана, Мэна, Леббока, Тайлора и др. Держание обнаженных мечей над головами брачующихся при входе в церковь, „*Ересацтесн*“ (смотрины), подарки, приносимые родителями невесты при исполнении обряда „*акражажа*“ (= отдача жениху известной доли свадебных яств), составляя параллелизм соответствующим обрядам древнерусского права (см. назв. соч. Владимирского-Буданова, стр. 411—414) и формальностям брака *coemptio* по Римскому праву (см. проф. И. А. Покровский, История Римского права, стр. 470—473), воспроизводят эпоху умыкания или покупки жены. Невеста, как результат умыкания или покупки, должна была быть всесторонне осмотрена в доме жениха с целью определения степени успеха проведенной обычно-правовой операции, и в этом именно и заключалась функция института „*ересацтесн*“ („*смотрин*“). По Гомеру, и Елена была похищена Парисом, что также воспроизводит обряд умыкания. В ст. ст. 59, 60 и 61 комментариев (стр. 237) дана краткая интерпретация наследования царства (= царской власти) и царских владений. Однако автор не дал серьезной исторической трактовки этого вопроса. Право наследования царства и царских владений, установленное Гошем, является обычно-правовым нормативом и имеет древнейшее происхождение. В ст. 67 комментариев дано наивное объяснение теократического принципа божественного происхождения царской власти, упомянутого в той же первой статье светских законов Судебника. Комментатор говорит: „По мнению Бастамяна... Мхитар Гош реципирует право византийских императоров, которые, считая себя божьими помазанниками, на основании Моисеева закона (Бытие, XIV, 18), пользовались правами священника при отправлении богослужения“. И Бастамян, и комментатор должны были знать, что этот принцип являлся основным и общим для древнего права всех народов. По Гомеру, власть Агамемнона была дана и санкционирована Зевсом. Власть царей Урарту являлась властью, принадлежавшей урартским богам и от них же исходившей. По древнейшему государственному строю Рима, царь (rex) „является верховным владыкой государства... и предстателем за народ перед богами... В качестве верховного жреца, он заведывает совершением общенародных жертвоприношений и т. д.“ (И. Покровский, ук. соч., стр. 29). По древнерусскому праву: „В пол. XV в. была принята в титуле (Московского царя) формула „Божьей милостью“. В актах внутреннего управления такая формула титула встречается с начала XVI в. Она указывает на источник власти теократический, т. е. происхождение ее из воли Божьей“ (Владимирский-Буданов, ук. соч., стр. 148). Следовательно, не один только Моисеев закон признавал божественное происхождение верховной государственной (царской) власти. Именно такое общее положение древнего обычного права о божественном происхождении царской власти присуще и армянским царям и потому констатируется Мхитаром Гошем в приведенной ст. светских законов.

Мы ограничиваемся этими замечаниями о комментариях, приложенных к изданию Судебника.

Как уже отмечалось выше, изданию Судебника Гоша предпослана вступительная статья Б. М. Арутюняна „Армянский Судебник Мхитара Гоша“. Исходя из

понимания Судебника, как величайшего памятника древнеармянского права, отражающего правосознание армянского народа ряда эпох, следовало бы ожидать, что автор во вступительной статье даст исторический анализ Судебника, теоретическую расшифровку его обычно-правовых основ, его сравнительную характеристику с аналогичными законодательными памятниками других народов древности, теоретическое освещение основ церковного права, поскольку оно отражено в Судебнике. Однако вступительная статья вовсе и не касается этих кардинальных вопросов. Вместо этого, автор статьи сосредоточил все свои усилия и внимание в сообщении общих данных о существовании в Армении X—XII веков феодальных порядков, о многовековой борьбе народа за независимость, об арабском халифате и освобождении Армении от арабского ига, о развитии экономики и, особенно, торговли, о социально-экономических отношениях в Армении, о нахарарской системе, об эксплуатируемых и эксплуатируемых классах и т. д.

„Армянский Судебник“ Мхитара Гоша является одним из замечательных памятников средневековой армянской культуры“, пишет автор статьи т. Арутюнян (стр. V). „Судебник Гоша является продуктом и, вместе с тем, отражением политической, экономической и социальной жизни армянского народа в X—XII веках, т. е. в эпоху широкого развития феодальных отношений в Армении“ (см. ту же стр.). Эти положения, на которых основана вступительная статья, опровергаются всем содержанием Судебника. Как известно, и это признает сам автор статьи, Мхитар Гош во Введении ссылается на Моисеев закон, на обычное право и, помимо постановлений церковных соборов, на так называемое естественное право. Если оставить пока в стороне вопрос о „естественном праве“, которого автор статьи не совсем ясно себе представляет, — и рассмотреть проблему об остальных источниках Судебника, то окажется, что приведенное утверждение т. Арутюняна не только не соответствует действительности, но и неверно само по себе. а) Моисеев закон, в общей своей совокупности названный еще Оригеном „*πεντάτευχος*“, („Пятикнижие“) и изложенный в пяти книгах библии (Бытия, Исхода, Левита, Числ и Второзакония) и носящий также имя „Тора“, легендарно приписывается Моисею, — причем эта легенда основана на легендарных же данных библии и на еврейских и христианских преданиях. Однако критика опровергла легенду о происхождении Пятикнижия, связанном с Моисеем. Эта критика исходила из данных заключительной XXXIV главы Второзакония, заключающей в себе подробный рассказ о смерти и погребении самого Моисея, который, конечно, не мог бы писать об обстоятельствах своей смерти и погребения. Кроме того, установлено, что в различных частях Пятикнижия еврейский бог назван то „Элогим“, то „Иегова“. По этим и многим другим соображениям составление Пятикнижия стали приписывать разным авторам, жившим в различные эпохи (теория Эйхгорна, Де-Ветте, Эвальда и, особенно, Велльгаузена). Против этой теории была выдвинута так называемая „суплементарная“ гипотеза, признающая единство Пятикнижия. По последним свежим археологическим данным установлено, что происхождение Пятикнижия связано не только с еврейской культурой, но и египетской. Данные вавилонских клинописей удостоверили наличие в эпоху Моисея богатой египетско-ассирийской литературы и, следовательно, возможность происхождения Пятикнижия с его законодательным содержанием в условиях развития древнейшей, египетско-ассирийской и еврейской культуры. Одновременно с этим доказано, что в состав Пятикнижия вошли (= составители собрали) нормы еврейского обычного права.

Таким образом, ясно, что Моисеев закон, *отражающий* основные положения еврейского обычного права, генетически связанный с египетско-ассирийской культурой, *развившейся много тысячелетий тому назад*, ни в коем случае не мог быть, как утверждает автор вступительной статьи, быть отражением политической, экономической и социальной жизни армянского народа в X—XII веках. б) Вторым источником своего Судебника Гош считает армянское обычное право. Но в науке установлено, что обычное право, генетически, по свое-

му происхождению, связано с древнейшими эпохами. Можно доказать, что нормативы армянского обычного права, вошедшие в состав Судебника Гоша, имеют не только древнейшее происхождение, но и во многом идентичны с законами вавилонского царя Хаммураби, шумерийскими законами, с содержанием судебныхников славянских народов („Русской правды“, „Псковской судной грамоты“ и др.) и даже отчасти с законами римских XII таблиц. По ст. I светских законов Гоша, власть царя—божественного происхождения. По законам же Хаммураби, „царь считается богоподобным существом, вечным, царственным отпрыском. Он наивысший авторитет, не нуждающийся ни в какой санкции, полновластный источник закона“. По Судебнику Гоша (гл. IV Введения), суд—это дело божественное и „первый истинный судья—бог“. По законам Хаммураби, правосудие производилось в храмах или у входа в них. „Дом Шамаша“, „Порог Шамаша“, „Порог богини Нинмарки“, „Порог бога Нингала“, „Дом Мардука“—в этих законах фигурируют в качестве священной арены суда и правосудия. В гл. VI Введения Гош подробно и со всей строгостью регламентирует моральные качества (неподкупность, справедливость, эрудицию, беспристрастность) судьи. С такой же строгостью законы Хаммураби нормируют положение и качества личности судьи по ст. 5. Организация коллегияльного суда, система доказательств, принятие присяги и допрос свидетелей, подробно регламентированные в V, VI, VII главах Введения Судебника, в основных чертах напоминают соответствующие положения как законов Хаммураби, так и других древних кодексов. Уголовно-правовые карательные санкции, по Судебнику Гоша, по законам Хаммураби, по нормам „Русской правды“ и по Моисееву закону, производятся по принципу талиона (justalionis): смертная казнь, членовредительные наказания, пожизненная кабала, изгнание из родной местности и т. д.—вот карательные меры, которые обычно санкционируются нормативами рассматриваемых кодексов. В преступлениях против личности применяется принцип талиона. В этом отношении весьма идентичны и могут быть сопоставлены ст. ст. 12, 29 и 51 светских законов Гоша, ст. ст. 196, 200, 202 и др. законов Хаммураби и ст. ст. Моисеева закона—исх. 21, 24, Второз.—19, 21, Лев.—24, 19, 20 и т. д. По Гошу (ст. ст. 23 и 25), за побор, нанесенные сыном отцу, и за злословие родителей—смертная казнь заменяется телесным наказанием и лишением наследства; по законам же Хаммураби—лишением языка или руки. По шумерийским же законам: „Если сын скажет своему отцу: „ты—не отец мне“, то он может заклеить его, наложить на него цепи и продать его за деньги“. „Если сын скажет, евоей матери: „ты мне—не мать“, то можно, заклеивши ему лоб, провести его по городу и изгнать из дома“ (см. И. М. Волков, Зак. вавилон. царя Хаммураби, стр. 76). В ст. 12 свет. зак. Гоша нормируется по талиону наказание за выдергивание бороды. Эту же обычно-правовую нормировку мы имеем в „Русской правде“. Ст. ст. 5, 8, 9, 11, 14 и др. церк. зак. Судебника Гоша определяют имущественное положение мужа и жены, раздел этого имущества и имущественную самостоятельность женщины в браке. Почти те же самые правовые положения имеются в зак. Хаммураби. За мужебийство и женоубийство Моисеев зак. и зак. Хаммураби санкционируют смерть. Однако Гош, ссылаясь на эти карательные санкции, смягчает это наказание. К преступлению же прелюбодеяния он, как Хаммураби, относится сравнительно более гуманно (ср. Мхитар Гош, церк. зак., ст. ст. 18, 19, 21 и 36 и ст. ст. Хаммур. 153, 142). Мы могли бы количество аналогий и нормативных параллелизмов между сопоставляемыми законодательными памятниками увеличить, но достаточно и приведенного.

Между тем установлено, что законы Хаммураби отражают основные положения древневавилонского обычного права, что первые опыты „обработки“ этого обычного права восходят ко времени задолго до Хаммураби. Уже лагашский Урукагина (2800 лет до н. эры) упоминает о таком опыте. Обработка обычного права до Хаммураби имела место и при династии Сумулаилу* (И. М. Волков, стр. 54). Происхождение римских XII таблиц, как древнейшего правового памятника, связывается с деятельностью плебейского трибуна Терентилия Арса в 462 г. до н. э. Доказано, что огромное большинство нормативных положений, вошедших

в законы XII таблиц и послуживших, по словам Ливия, „fons omnis publici privatiq; iuris“ (основой всего частного и публичного права), отражает римское обычное право (Покровский, стр. 115—119). То же самое можно утверждать и доказывать в отношении „Русской правды“, „Псковской судной грамоты“ и разных „салических правд“. Этими данными и множеством аналогичных данных устанавливается древнейшее происхождение армянских обычно-правовых норм, вошедших в состав Судебника Гоша. Можно быть уверенным, что эти самые нормы, переходившие от поколения к поколению, существовали как в эпоху царства Хаяси, так и впоследствии, когда армяне стали преобладающими в Урарту. При таких условиях неверно утверждение о том, что обычное право, вошедшее в состав Судебника Мхитара Гоша, является продуктом политической, экономической и социальной жизни армянского народа X—XII веков, т. е. „эпохи широкого развития феодальных отношений в Армении“. Мхитар Гош во Введении к Судебнику ссылается и на постановления церковных соборов. Однако и здесь можно доказать положение, что в постановлениях почти всех церковных соборов фактически кодифицировалось церковно-христианское обычное право. В христианской церкви в начале ее возникновения почти все вопросы разрешались согласно обычаю. Еще апостол Павел, требуя, чтобы женщины являлись на церковные собрания с покрытой головой, ссылается на авторитет обычного права. По словам Тертулиана, в его время многие установления „сохраняли свою силу“ благодаря обычаю. В новое время появились законодательные акты, направленные против вредных нормативов обычного права. Так, в истории русской церкви против многих вредных положений обычного права вооружились Стоглавый собор и известный Регламент Петра Великого. Известно также, что и армянские церковные соборы вели борьбу против обычно-правовых нормативов, например запрещение деверата (женитьба брата на жене умершего своего брата), санкционированного обычным правом. Следовательно, даже относительно постановлений церковных соборов, поскольку они вошли в состав Судебника, нельзя утверждать, что они всецело являются продуктом армянской культуры X—XII веков.

Наиболее важным и замечательным началом, которым руководствовался выдающийся наш законовед Мхитар Гош, является принцип естественного права, о котором действительно можно утверждать, что он именно и представляет собою продукт развития армянской культуры X—XII вв. Но, к сожалению, автор вступительной статьи т. Арутюнян не учел этого существенного обстоятельства. „В суждениях о праве, — пишет автор (стр. XXV—XXVI), — Гош исходит из своеобразного понимания так называемого естественного права (*ընկերային օրէնք*)“. Как и все мыслители античного мира, средних веков и нового времени, Гош проповедует, что естественное право — это выражение высшего, божественного, разума, действующего в человеке и направляющего его на правильный путь добра. И не только Гош, но и многие великие мыслители, философы, поэты и писатели в истории, в эпохи общественно-политических кризисов руководствовались передовыми, революционными принципами, противопоставляя их окаменевшему, косному, консервативному правопорядку, и называли эти передовые принципы „естественным правом“, „правом природы“, „божественным правом“, „правом разума“. Таким образом, они вели борьбу против старого правопорядка, против косного, всегда консервативного, обычного права и против устаревших догм общественной жизни. Не важно, что эти борцы и мыслители руководимые ими принципы ошибочно именовали „естественным правом“, „правом разума и Природы“, или „божественным правом“, а важно то, что в сознании людей существовали и действовали такие принципы, существовало такое революционирующее право. Многие из софистов называли его „естественным правом“ и, руководствуясь им, боролись против существующего косного правопорядка; в Риме при восстаниях (например, Спартак и его сторонники) ссылались на право „естественное“, на „право разума и Природы“. Просветители перед французской революцией руководствовались лозунгами „естественного, разумного права“ и т. д. Это то самое передовое, революционное право,

которое теоретики называют интуитивным. Этим интуитивным правом широко пользуется Гош, называя его „естественным правом“. Во всех случаях, когда он радикально расходится с требованиями Моисеева закона и склоняется к более мягким и гуманным карательным санкциям, руководящей силой, направляющей его мысль, выступает его передовое интуитивное право, называемое им „естественным“. Мхитар Гош, гуманный мыслитель, руководствуясь своим передовым интуитивным правом, изменил в сторону смягчения и гуманизации санкции: а) по ст. ст. 19, 20, 21, 38, 39, 42, 44 церк. законов и б) по ст. ст. 4, 15, 16, 23, 24, 27, 28, 29, 40, 70 и др. в области светских законов. Недопустимо, что во вступительной статье не указан и не объяснено важное обстоятельство не дифференцированности правосознания, лежащего в основе Судебника Гоша и ему подобных правовых памятников. В организации суда еще не проведен принцип разграничения гражданского и уголовного судопроизводства. В области же материального права недифференцированными выступают нормы публичного права (уголовного и государственного) и гражданского права. Это свойство присуще и Русской Правде, и Законам Хаммураби и всем подобным памятникам.

Рассмотренное нами издание Судебника Мхитара Гоша, как мы увидели, имеет ряд существенных недостатков. Институту истории Академии наук Армянской ССР необходимо взяться за новое, научное издание Судебника Мхитара Гоша, достойное его великого автора.

А. А. Амбарцумян